

ХУДОЖНИЦА ИРИНА КОВАЛЬСКАЯ На Итальянский Юг из Варшавы через Вену

MIKHAIL G. TALALAY

INSTITUTE OF GENERAL HISTORY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Abstract – *The Artist Irina Kowalska. To the South of Italy from Warsaw via Vienna*

The artist Irene Kowalska (her real surname is Kowalska), born in Warsaw in 1903, made an enormous contribution to the development of applied arts on the Amalfi Coast in the middle of the last century. She began as a ceramist in Vietri sul Mare, in the 1930s, continuing as a fabric designer (especially for batik) in the 1940s and 1950s in Positano. Her cosmopolitan roots – Jewish, Russian, Polish, – as well as her formative years in Vienna played a crucial role in the development of her own style. The creative output of Kowalska is marked by her love for the Italian South and her desire to reflect its peculiarity. The post-war success of *Moda Positano* owes much to her talents.

Keywords: Irene Kowalska; applied arts; textiles; Amalfi Coast; Italian South.

Идентичность художницы Ирины Вячеславовны Ковальской (Варшава, 1905 – Рим, 1991)¹ весьма расплывчата. Кем она себя считала, кем ее считали ее близкие и исследователи ее творчества? Какую культуру она принесла на ее любимый Итальянский Юг?

Ирина Ковальская, Вена, 1920-е гг.

¹ Автор статьи уже обращался к фигуре И. В. Ковальской – см. наши публикации, на русс. яз., в *Riferimenti bibliografici*. Однако в настоящем тексте нами представлены новые источники, обстоятельства, интерпретации.

В самом деле, в ее становлении перемешались русские, польские, еврейские, австрийские, немецкие, итальянские компоненты, которые в итоге привели к появлению собственного художественного стиля, трудно помещаемого в лоно какой-то конкретной школы, но своей выразительностью и оригинальностью определивший конечный успех. При этом стиль Ковальской, вне сомнения, – южно-итальянской матрицы, с энергичной народной жизнью, многочисленными детьми, фауной (преимущественно осликами и голубями), «спонтанной» архитектурой, крутыми лестницами селений, буйной растительностью, и этот ее личный, хорошо узнаваемый почерк стал одной из основ возникшего в 1950-х гг. феномена *Moda Positano*.

В итальянском искусствознании чаще всего ее называют полькой, по месту рождения – Варшава – и по типично польской фамилии (Kowalska), полученной от отца Вячеслава Ковальского. Полькой называет ее и сын Микеле (в обиходе Миша) Вегнер. Однако это отражает традиционную для Италии и иногда ошибочную идентификацию персоны по месту рождения, исключительно «географическую», без учета других обстоятельств: так, к примеру, встречается идентификация музыканта Мстислава Ростроповича как «азербайджанца» (родился в Баку), танцора Михаила Барышникова как «латвийца» (родился в Риге) и проч.

В действительности же, Ковальские уехали из Варшавы, когда Ирине было всего шесть лет, и от польской культуры она толком ничего не усвоила, тем более, что ее родители в семье говорили по-русски. Следует сразу заметить, что в польскую фамилию Kowalska в соответствующих итальянских органах (*anagrafe*) вкралась ошибка, лишняя буква *i*, и художница навсегда вошла в историю как Kowaliska.

Однако и русской Ирину Вячеславовну можно назвать с натяжкой, хотя справка о ней включена в монументальный биографический словарь «Художники Русского зарубежья» [Талалай 2019].² Впрочем, формальные основания для такого позиционирования справки существуют. Мать художницы Надежда, урожденная Фридляндер, родилась в Петербурге, тогда российской столице. Уехав вслед за мужем в Варшаву (которая в ту эпоху входила в состав Российской империи), Надежда сохраняла связи со своим семейством, игравшим значительную роль в культурной панораме города на Неве. Один из дальних русских кузенов Ирины – Георгий Михайлович Фридляндер (1915–1995) – стал знаменитым литературоведом, одним из

² См. также электронную версию статьи на портале «Искусство и архитектура Русского зарубежья». <https://art.rz.ru/authors/1805038816/1805051492.html> (15.11.2023).

ведущих в мире специалистов по Достоевскому. Русский язык для Ирины был, согласно итальянскому определению, *madrelingua*, т.е. родным, а своего сына, родившегося в 1941 г. в Позитано, она всегда звала русским диминутивом «Миша» (зарегистрирован как Микеле). До Первой мировой войны, то есть до 10-летнего возраста, маленькая Ира часто бывала у своих родственников в Петербурге, где развивала свою русскость.

Семья Фридляндер в Петербурге (мать Ирины, Надежда, стоит в центре, рядом с отцом).

Однако и исследователи еврейской диаспоры могут ее включить в свои реестры, так как мать Ирины была по происхождению еврейкой, пусть и ассимилированной. Согласно известной еврейской практике именно мать передает детям их национальность, и согласно такой идентификации Ирина – еврейка. Этой же точки зрения придерживаются некоторые немецкие исследователи, называя ее художницей еврейского происхождения.

Но ни с польской, ни русской, ни с еврейской средой Ирина Ковальская не имела крепких связей – ни одна из них не оказала на нее основополагающего влияния.

Как художник она сформировалась в космополитичной Вене начала прошлого века. Ковальские переехали туда в 1911 году, когда отец семейства организовал там прибыльное (поначалу) дело – экспорт шампанских вин. Девочка легко овладела немецким языком, как и ее мать, знавшая идиш. Таким образом русская языковая среда в 1910-е гг. у Ирины сменилась на немецкую, в особенности, после неожиданной кончины ее матери-петербурженки в 1914 году.

Многонациональная столица Австрии в тот момент была необыкновенно кипучей в художественном смысле, немного уступая Парижу. Ее лицейской подругой стала известная впоследствии австрийская поэтесса Эрика Миттерер (1906–2001), с которой Ирина потом переписывалась. Их дружба и переписка свидетельствует о повышенном внимании Ирины к литературе, в особенности, к поэзии (одним из ее любимых авторов был Рильке). Вне сомнения, ее поэтическая настроенность отразилась в изобразительном искусстве, которое стало для нее основным делом жизни: по окончании лицея Ирина поступила в венскую Высшую школу прикладных искусств, *Kunstgewerbeschule*, законченную в 1922 г.

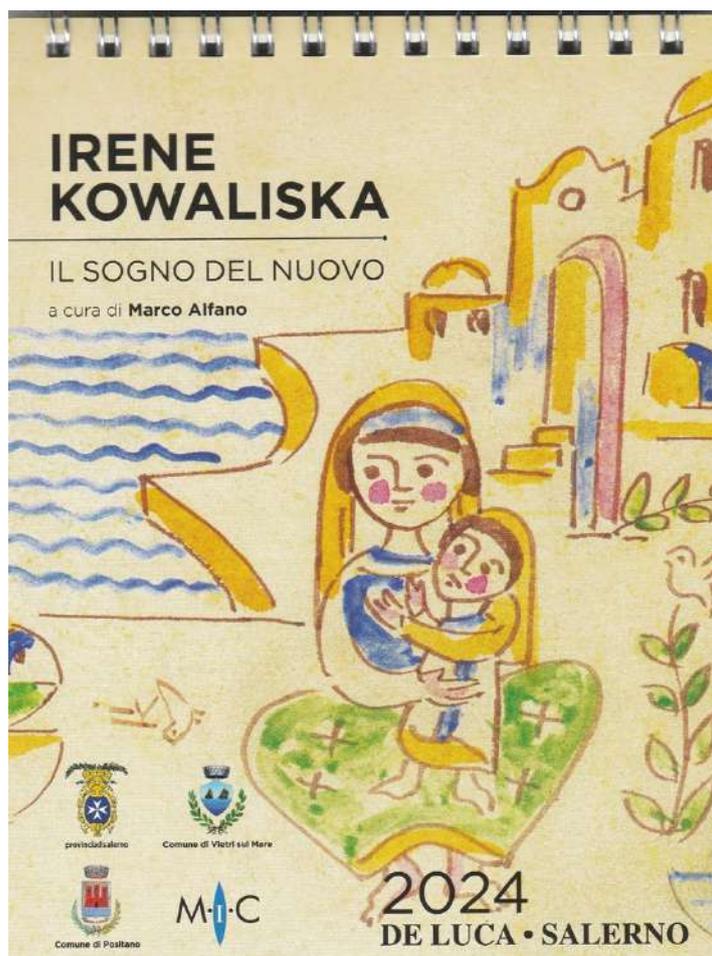
Таким образом культурная база Ирины это – *Mittleuropa*, зона с зыбкими географическими границами и с разнообразными взаимообогащающими компонентами (германскими, еврейскими, славянскими, венгерскими), с плодотворной и толерантной атмосферой. Заметим, что в русской историографии концепция *Mittleuropa* еще не получила устойчивого содержания и даже перевода, это может быть и *Центральная*, и *Средняя*, и *Срединная* Европа.³

По окончании *Kunstgewerbeschule* для Ковальской начались поиски профессии, в т.ч. важная стажировка в известном венском фотоателе *Geiringer*. В Вене, пребывавшей в депрессии после краха Австро-Венгерской империи, найти подходящее рабочее место было трудно, и в итоге Ирина, приняв предложение от крупнейших немецких издателей (еврейского происхождения) Ульштейн (*Ullstein*) работать у них хранителем и реставратором художественной коллекции, переехала в 1929 г. в Берлин.

Заключительная фаза истории Веймарской республики также характеризовалась интенсивной культурной жизнью. Близкими людьми для Ирины в Берлине были поэтесса Ина Зайдель (*Seidel*, 1885–1974), в особенности ее дочь Хельвиг, и художница Катя Кольвиц (*Kollwitz*, 1867–1945). Там же в Германии, в 1930 г., она познакомилась с человеком, который позднее, уже в Италии, станет ее мужем – Армином Т. Вегнером. При этом Ирина оставалась неудовлетворенной своей профессиональной карьерой, в самом деле, не имевшей четкой ориентации и видимого прогресса.

Поворотным в ее судьбе стал 1931 год, когда она приняла приглашение предприимчивого деятеля Макса Меламерсона (1881–1948), по происхождению русского еврея, как и ее мать. В 1926 г. он основал близ Салерно, в Вьетри-суль-Маре, фирму по производству художественной керамики – *Industria Ceramica Salernitana* (ICS).

³ Мы предпочитаем последний вариант [Баранов 2009, с. 4–9].

Первый лист календаря на 2024 г., посвященного И.В. Ковальской.

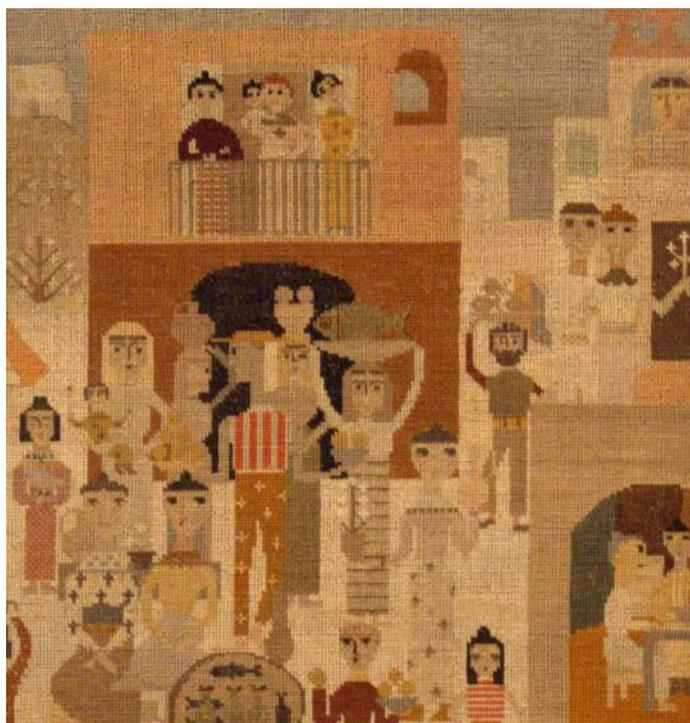
Небольшое селение на Амальфитанском берегу было избрано им, так как имело, с одной стороны, вековые традиции керамического производства, с другой – низкие цены на жизнь и производство. Сумев организовать успешную рекламную кампанию для продукции своей фирмы и став участником выставок по прикладному искусству в главных итальянских городах, Меламерсон наладил успешный сбыт своей керамической продукции. Выросший в Германии, куда его семья переехала из Российской империи еще до революции, и принявший немецкое гражданство, Меламерсон в первую очередь привлек в фирму ICS своих германских компатриотов, среди которых ключевую роль стал играть керамист Рихард Дёлкер (Dölker 1896–1955), обосновавшийся на Амальфитанском побережье еще в 1923 г.

В такую немецкоязычную среду фирмы ICS и попала весной 1931 г. Ирина Ковальская. Ее первым местом жительства на Итальянском Юге стал г. Салерно, где она и получила начальные сильнейшие импульсы.

Молодую художницу поразили Салернитанский залив, которые в ее воображении соотносились с античной мифологией: она

вспоминала о своем приезде во Вьетри в 1931 году и о том очаровании, которое вызвал в ней местный нетронутый пейзаж: он навсегда останется в ее сердце. Ее очаровал «берег сирен Одиссея», как она несколько лет спустя, в 1934 году, назовет этот участок древнего *sinus paestanus*, идущий от Салерно до Позитано, <...> но сирены у Ковальской – это не античные птицы-певуны, а женщины-рыбы, которые в Средние века символизировали опасности мореплавания [Romito 2023].

Впечатления от той первой встречи отразились и в ее произведениях, в том числе и в вышивке, названной ею «Рынок в Салерно». Главные характеристики композиции – народная жизнь, обращенная в публичные пространства (в т.ч. характерные зеваки на балконах), насыщенность объектами, «спонтанная» архитектура. Салернская вышивка для ее автора представлялась некоей реликвией, свидетельствующей о ее вхождении в Итальянский Юг, и она была подарена – через сына Мишу – в Музеи провинции Салерно.

Рынок в Салерно, 1931. Вышивка.

Однако ее главным делом надолго стала керамика, ради которой, собственно, ее и пригласил в Италию Макс Меламерсон. Для своих работ она охотно использовала и старую местную утварь. Согласно свидетельству салернитанского искусствоведа Матильде Ромито Ковальская навсегда

запомнила бесценное ощущение глины между кончиками пальцев, ее влажный запах, тактильный восторг от ощущения того, как этот материал растет в ее руках, принимая нужную форму <...> Особенно она полюбила повседневную керамику за ее привкус прожитой жизни. Она доверила свой богатый культурный багаж старым сосудам, которые, возможно, несли на себе следы того давнего использования и часто были даже отмечены именами их владельцев [Romito 2005, с. 38–39].

В 1930-е гг. недорогая, но качественная керамика Меламерсона, утвердившись в Италии, стала выходить на европейский рынок, и этому способствовала и Ирина, деятельно включившись в работу фирмы. Уже в том же 1931 г. она привозит в «свою» Вену первые образцы керамики с ее собственным дизайном, получившие успех. Чуть позднее, помимо ICS она начинает сотрудничество и с другой керамической фирмой, Industria Ceramiche Artistiche Meridionali (ICAM), основанной во Вьетри еще в 1910 г. местным «патриархом керамики» Винченцо Пинто (1870–1939).

Творческая натура заставляет ее изучать другие керамические традиции и она проводит немало времени на Сардинии и в Южной Франции. В 1934 г. она снова возвращается во Вьетри, где ведет работы уже с большим размахом и профессионализмом, устроив свое собственное керамическое производство.

Именно к этому времени относится ее сближение с другим немецкоговорящим жителем Амальфитанского побережья – Армином Т. Вегнером.

Армин Теофил Вегнер (1886–1978) в середине 1930-х гг. жил в Позитано вместе со своей первой женой, писательницей Лолой Ландау, но его первый брак распался, так как Ландау, будучи сионисткой, настаивала на отъезде в Палестину, тем более, что в Италии, куда она бежала с мужем из нацистской Германии, нарастала антисемитская атмосфера. Однако Вегнер, полагавший себя немецким литератором и уверенный в грядущем крахе нацифашизма, не желал покидать Европу [Richter 2005, с. 26–27].

Сближение с Вегнером изменило судьбу Ирины. Следует чуть подробнее описать об этом выдающемся человеке.

Получив широкую известность благодаря своим выступлениям против турецкого геноцида армян (как германский офицер он был свидетелем той трагедии), во времена Веймарской республики он приобрел известность как пламенный пацифист. В 1933 г. он написал смелое открытое письмо Гитлеру, требуя прекратить преследование евреев и был заключен за это на несколько месяцев в концлагерь. В 1936

году он навсегда покинул Германию и поселился в Позитано [Nissim 2015].

После отъезда первой жены Вегнера в Палестину, он и Ковальская жили в Позитано вместе, и в 1941 г. у пары появился сын – Миша.

«Тройной» Миша, конец 1940-х гг.

Общались в семье на немецком языке и в целом творчество Ковальской 1930-х гг. искусствоведы помещают в «немецкий период» местной керамики. При этом она создает свой собственный, неповторимый стиль,

через который проходят время и поэзия, при оригинальном, подлинном языке, выраженном тонкими линиями на глазурованных терракотовых предметах, – чтобы рассказать истории рыбаков и крестьян, ритуалы матерей и молодых влюбленных, солнечные и морские муки пляжа, сетей, натянутой на жабры. <...> здесь происходит метаморфоза керамического языка Вьетри, облагораживание древней традиции и всего опыта мастеров-гончаров, декораторов и обжигальщиков, к которой прививается культура Средней Европы [Pinto 2018, с. 6].

Так пишет о ней Вито Пинто в своей книге с оригинальным названием «Irene Kowaliska. 1939», разъясняя в предисловии, почему из всей

биографии художницы он выбрал именно эту хронологическую точку: «Шел 1939-й год, когда Ирина Ковальская, родившаяся в Варшаве, исполнила керамический пол с большими фигурами для столовой виллы Риччарди на холмах Кава-дей-Тиррени» [Pinto 2018, с. 7].

1939-й год – это и начало Второй мировой войны, когда гитлеровская Германия захватывает Польшу, уничтожая там еврейское население. Как полагает автор книги «Irene Kowalska. 1939», художница выражает свою тревогу и боль через подробно описанную им огромную композицию, в 28 кв. м, с четырнадцатью фигурами. «Керамическая повесть» Ковальской на вилле Риччарди – это изложение ее становления, прошлых и текущих эпизодов ее биографии, ее чаяний и надежд, ее любви к Итальянскому югу.

Конец 1930-х гг. – это также и время окончательного утверждения ее стиля, со своими характерными символами. Ими в первую очередь стали образы голубки и осла. Ирина особенно была впечатлена осликом, выражавшим для нее «одновременно и сопротивление, и покорность», и она бесчисленное количество раз изображали его на своей керамике. Ослик был перенесен в дизайн

в ироническом и сказочном измерении из-за своей малости, контрастирующей с его энергичной выносливостью. Постепенно он приобретал все больше черт, заимствованных у людей, становясь сатирическим и печальным интерпретатором человеческих состояний и чувств [Romito 2005, с. 87].

Традиционный ослик Ковальской

На берегах Салернитанского залива Ковальская овладела и другими формами прикладного искусства, которые позднее стали

магистральными, в первую очередь, это – работы по батиксу: данной технике ее обучил Рихард Дёлькер, увидевший в 1930 г. в Риме выставку батика с Явы.

Тем временем милитаризация Италии и наложенные на страну санкции затруднили использование красок, нужных для керамики. Так ткани и батик выходят на первый план, – уже в 1941 г. в Риме, где Ирина устраивает мастерскую по тканям.

Окончательный переход к новым материалам произошел после 1943 г., когда в результате бомбардировок союзников перед высадкой в Салерно была разбита ее мастерская во Вьетри. В те же годы один из протагонистов местной керамики, Меламерсон, попал в концлагерь как еврей и его производство окончательно закрылось. Саму Ирину фашистский режим не тревожил из-за ее еврейских корней, полагая ее скорей полькой, чем еврейкой.

Драматический крах керамического дела не обескуражил Ирину, и она окончательно переходит на ткани, обосновавшись по окончании войны в Позитано.

Таланты Ковальской получили признание, в особенности в конце 1940-х гг., когда в Позитано стартовал послевоенный туризм, а неаполитанские аристократки княгиня Лаура Карафа д'Андриа и маркиза Эва де Руджеро открыли тут бутики. Можно говорить о десятилетнем «позитанском периоде» Ирины, когда она, поменяв первичную материю (вместо глины теперь у нее на рабочем столе – ткани), сохранила верность стилю и сюжетам. Именно в те годы она становится несомненным лидером вновь рожденного направления итальянской моды – *Moda Positano*. В 1956 г. Ковальская вместе с мужем и сыном переезжает в Рим. Пребывание в столице закрепило ее коммерческий и творческий успех. Однако ее вдохновение по-прежнему черпается на Итальянском юге.

Презентация рождественских украшений, на основе произведений Ковальской, в мэрии Позитано. Декабрь 2023 г. Фото Миши Вегнера.

И Итальянский юг и поныне выражает благодарность Ковальской. На Рождество 2023/2024 года в Позитано выбрали уличное украшение селения в стиле Ковальской. В Салерно издательство De Luca выпустило календарь на 2024 г. с ее работами и несколькими статьями местных искусствоведов.

Другое важное событие: городские власти Позитано приняли решение перезахоронить прах Ирины Ковальской и Армина Вегнера, по согласованию с их сыном, на местном коммунальном кладбище (прежде они были похоронены на о. Стромболи, где у семьи была «дача»). Так они посмертно вернуться на «свой» Итальянский юг.

Так кем же следует считать Ирину Ковальскую?

Следует взглянуть на ее фирменную печать, которую она ставила на свою продукцию. На ней под инициалами *IK* изображена излюбленная голубка и название страны – Италия.

Печать Ковальской.

На наш взгляд, верная идентификация для Ковальской – *итальянская* художница, и даже – южно-итальянская. После чего можно делать уточнения насчет ее корней и тут уже каждый пишущий о ней, из своего угла, волен добавлять свои определения – еврейского, польского, русско-польского, срединноевропейского (центральноевропейского) происхождения. Выбор Irene Kowalska предоставляет большой.

Bionote: Mikhail Talalay was born in Leningrad, now St Petersburg in 1956. He graduated from the State University, Faculty of Chemical Engineering, in 1979. Over the next nine years, he worked as an engineer and simultaneously deepened his humanistic

interests. In 1987, in the climate of cultural renewal of Perestroika, he left the engineering profession and became employed in the Department of Cultural Heritage Protection at the Soviet Cultural Foundation (founded by Raissa Gorbacheva). Since the 1990s, after his first trips to Italy, his interests have focused on the subject of Italian-Russian cultural relations. Since 1997 he has been a researcher at the Russian Academy of Sciences (PhD thesis: *The History of Russian Orthodox Communities in Italy*) and presented his final dissertation in May 2002. Since June 2003 he has been a scientific collaborator at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Author's address: talalaym@alice.it

Библиографические ссылки

- Баранов Н. Н. 2009, *К вопросу о генезисе концепции Срединной Европы* // Нестеров А. Г. (под ред.), *Альманах европейских исследований*. Издательство Уральского университета, Екатеринбург, с. 4–9.
- Талалай М. Г. 2008, *Русские художники на Юге Италии* // Вздорнов Г. И. (под ред.), *Художественная культура русского зарубежья. 1917-1939*. Индрик, Москва, с. 168–171.
- Талалай М. Г. 2015, *Русско-польские истории на Амальфитанском побережье*, // Malinowski J., Gavrash I., Ziarkowski D. (red.) 2015, *Sztuka Europy Wschodniej / Искусство Восточной Европы / Art of the East Europe*, t. 3: *Polscy i rosyjscy artyści i architekci w koloniach artystycznych zagranicą i na emigracji politycznej 1815-1990 / Польские и российские художники и архитекторы в художественных колониях за границей и в политической эмиграции 1815-1990 / Polish and Russian artists and architects in the art colonies abroad and in political exile 1815-1990*, Wydawnictwo Tako, Warszawa-Toruń, с. 95–100.
- Талалай М. Г. 2016, *Российские эмигранты на Амальфитанском побережье* // Жукова О. А., Кара-Мурза А. А., Талалай М. Г. (под ред.), *Очарование красоты: Амальфи в русской культуре*. Старая Басманная, Москва, с. 179–180.
- Талалай М. Г. 2019, *Ковальская, Ирина* // Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. (под ред.), *Художники Русского зарубежья: Первая и вторая волна эмиграции*. Изд. дом «Миръ», СПб., т. 1: А-К, с. 647–648.
- Nissim G. 2015, *La lettera a Hitler. Storia di Armin T. Wegner, combattente solitario contro i genocidi del Novecento*, Mondadori, Milano.
- Pinto V. 2018, *Irene Kowaliska – 1939*, Areablu Edizioni, Cava de' Tirreni.
- Richter D. 2005, *Nach Italien! L'emigrazione tedesca in epoca nazista*, in Richter D., Romito M., Talalay M. (a cura di), *In fuga dalla storia: esuli dai totalitarismi del Novecento sulla Costa d'Amalfi*, Centro di Cultura e Storia Amalfitana, Amalfi, pp. 25-32.
- Romito M. 2005, *Verso nuovi colori. L'immaginario figurativo degli artisti stranieri esuli sulla Costa di Amalfi*, in Richter D., Romito M., Talalay M. (a cura di), *In fuga dalla storia: esuli dai totalitarismi del Novecento sulla Costa d'Amalfi*, Centro di Cultura e Storia Amalfitana, Amalfi, pp. 33-42.
- Romito M. 2023, *Una fiaba antica*, in Alfano M. (a cura di), *Irene Kowaliska. Il sogno del nuovo* [calendario 2024], De Luca, Salerno [senza n. di p.].

* Иллюстративный материал передан сыном Ирины Ковальской, Мишей (Микеле) Вегнером.